

III.

Путешествіе въ Воскресенскій монастырь, называемый нынѣ Новымъ Іерусалимомъ.

Оставляю васъ, мрачныя стѣны города! оставляю — и съ радостнымъ сердцемъ, съ мирною душою повергаюсь въ объятія нѣжной Природы. — Но, увы! не надолго продлится разлука моя съ вами, — не надолго дышать буду чистымъ, свѣжимъ воздухомъ и наслаждаться мирнымъ, спокойнымъ жилищемъ, отдаленнымъ отъ всякаго шума и суеты мірскихъ — не надолго; потому что я не могу, подобно рѣзвой птичкѣ, свободно перелетать съ мѣста на мѣсто: но, будучи подвластенъ, долженъ тихимъ полетомъ своимъ слѣдовать за тѣми, кошорые меня опышнѣе.

Ахъ! когда придетъ то время, когда, достигнувъ совершеннаго возраста, въ состоянїи буду располагать самымъ собою, своимъ временемъ, и дѣлать оное въ бесѣдованїи съ добрыми Генїями мирнаго уединенїя, съ Генїями сельской Природы! — Тогда буду совершенно щасливъ, доволенъ собою; тогда предамся спрежнему своему духу и неразлучно буду жить съ тобою, милая Природа!

Три дни пройдутъ скоро! думалъ я, сядя съ моими товарищами въ коляску, которая должна была насъ везти въ Воскресенскій монастырь: — три дни пройдутъ скоро; въ минуту пролетитъ это время; Но какъ быть? Наилучшій способъ успокоить себя есть — довольствоваться и малымъ; — должно покориться судьбѣ своей! — —

Воскресенская дорога очень прїятна. Безпрестанно занимался я разсматриванїемъ ихъ предметовъ, которые встрѣчались моему взору. Какіе прекрасные виды! Съ одной стороны огромной Петровской Дворецъ; съ другой лагерь, въ которомъ спояли три полка; тамъ плодоносныя поля; здѣсь зеленые, цвѣтущїя луга, на коихъ паслось многочисленное стадо. Подалѣе чистая рожь, обвѣщающая обильную жатву; за нею мирныя хижинны

спокойныхъ земледѣльцевъ , а вдали тѣнистая , дубовая роща.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петровскаго Дворца остановились мы среди обширной долины и расположились ужинать на одномъ возвышенномъ мѣстѣ. Тутъ протекала Москва рѣка въ длинныхъ излучинахъ своихъ. Блѣдный свѣтъ луны, изображающейся въ водѣ на подобіе огненного столба; томное журчаніе ручейка, упадающаго въ рѣку; безмолвная тишина долины, нарушаемая однимъ только шумомъ колеблемыхъ Зефиромъ листьевъ; словомъ, все сіе представляло для глазъ великолѣпнѣйшую картину и придавало ужину нашему болѣе пріятности, болѣе вкусу. — Разсматривая такимъ образомъ Природу, и не могши налюбоваться прелестными ея видами, вспомнилъ я одного изъ моихъ знакомыхъ, Г. Бр. * * *, холоднаго, нечувствительнаго человѣка, страстнаго обожателя Радклифъ, который, дыша, такъ сказать, одною ею, нѣсколько разъ спорилъ со мною, что описанныя въ твореніяхъ ея картины гораздо превосходнѣе картинъ самой Природы. — Жаль, очень жаль, что романтическое перо ея сильно подѣйствовало на его сердце и, слишкомъ очаровавъ его воображеніе, испортило вмѣстѣ и вкусъ!

Послѣ легкаго, но пріятнаго ужина, отправились мы опять въ дорогу и, не много проѣхавъ, остановились ночевать въ Аннинскомъ селѣ Графини А* Р* Ч*. Мягкая мурава соспавляла постель нашу, и просторное небо было нашимъ кровомъ. — Тихой вечеръ, безмолвная ночь! вы останешесь незабвенными въ моей жизни! — — Сонъ нашъ не долго продолжался. Лишь только утренняя заря, предвѣстница лучезарнаго солнца, начала румянить край восточнаго неба, какъ уже говорятъ намъ: „коляска готова!“ — Эта минула хотя нѣсколько была и непріятна для путешественника, привыкшаго въ городѣ просыпаться цѣлое утро; но мысль, что ѣду въ Новой Іерусалимъ, буду видѣть всѣ тамошнія рѣдкости, пробудила въ душѣ моей новую искру живости. Немедленно садимся въ коляску. Сладоспная дремота смыкаетъ еще мои вѣжды. — Но вдругъ возходитъ свѣтлозарное солнце. Устремляемъ взоры на величественную картину Природы и, перясь мысленно въ красотѣ сего зрѣлища, нечувствительно прѣзжаемъ въ Воскресенской монастырь.

Первымъ предметомъ моего любопытства была огромная Соборная церковь Воскресенія Христова, въ которой въ то

время отправляли раннюю обѣдню. Величественное зданіе! прекрасная архитектура! — — Вошедъ въ оную, былъ я внѣ себя отъ удивленія, и не зналъ, куда обращить свои взоры. Вездѣ вкусъ! вездѣ пріятность! вездѣ великолѣпіе! — — На каждомъ шагу представляются для глазъ новыя картины! — Согласное пѣніе монаховъ, святоσύ сего мѣста, благоговѣніе, живо изображающееся на лицахъ всѣхъ молящихся, великолѣпіе храма: все это сдѣлало такое впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ, что я въ ту же минуту палъ предъ Престоломъ Всевышняго и принесъ Ему усердныя мои молитвы.

Потомъ началъ я осматривать церковь (*). Внутренность ея хорошей архитектуры и оплѣненной во всѣхъ частяхъ соразмѣрности. * Огромный иконостасъ простирается почти до самаго свода. Насупротивъ онаго возвышается высокой шатеръ конической фигуры, котораго верхъ былъ прежде каменной; но какъ по чрезмѣрной тяжести своей въ 1723мъ году обрушился, то теперь вмѣсто его

(*) Она сдѣлана по модели, привезенной изъ Іерусалима Келаремъ, Арсеніемъ Сухановымъ, которая и доселѣ еще хранится въ ризницѣ.

придѣланъ деревянной. Внутренность сего шатра, освѣщена будучи 75 ю окнами, съ тремя рѣзными позолоченными хорами, и украшена также живописными картинами, по огромности и великолѣпному виду своему, представляетъ прекрасное и вмѣстѣ удивительное зрѣлище. Любопытство побудило меня, презрѣвъ всякую опасность, взлѣзть на самую вершину онаго. Пробираюсь по узкимъ и почти непроходимымъ лѣстницамъ стоило мнѣ немалого труда; страшная усталость, чувствуемая во всѣхъ членахъ, была послѣдствіемъ сего опиважнаго моего предпріятія. — Внизу подъ этимъ шатромъ видишь палатку, покрывающую гробъ Господень, и снаружи украшенную отличною работою, рѣзбою, позолошою и живописью.

На лѣвой сторонѣ, саженьяхъ въ десяти отъ гроба Господня, находится держовъ, сооруженная стараніемъ и иждивеніемъ усердной Ревнительницы вѣры, благодѣтельной вдовствующей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ. — Серебро, мраморъ и превосходная живопись ослѣпляютъ глаза каждаго, кто ни войдетъ въ храмъ Св. Магдалины, въ храмъ, воздвигнутый рукою нѣжной Матери Отечества.

Изъ олтаря сего прошелъ я въ темнищу Христову, въ которой представленъ Спаситель во весь ростъ сидящимъ на пьедесталѣ о трехъ ступенькахъ. — Смотри на Спиральца за родъ человѣческій, ручьями потекли слезы изъ глазъ моихъ; и я, ставъ предъ Нимъ на колѣни, съ чувствомъ сердечнаго умиленія поцѣловалъ у Него ногу, и скорыми шагами удалился отъ сего трогательнаго изображенія. — —

Послѣ темницы Христовой достойна примѣчанія Голгофская церковь, представляющая лобное разпятіе Христова мѣсто, въ которую сходу внизъ 35 ступени. Прекрасной иконостасъ оной и богатая ризница устроены комнатною суммою блаженной памяти Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II.

Оттуда пошелъ я поклониться Святейшему Патріарху Никону, котораго тѣло находилось въ ономъ монастырѣ съ правой стороны Соборной церкви. Большія, тяжелыя вериги, висящія надъ гробомъ сего Священителя, родили въ душѣ моей еще больше почтенія къ сему Великому Основателю Воскресенскаго монастыря, къ истинному Гевію человечества, къ живому образу Безсмертныхъ! — —

Наконецъ, обозрѣвъ всѣ церкви и придѣлы, находящіяся въ семъ монастырѣ, число которыхъ простирается до тридцати пяти, пошелъ я въ ризницу.

Воскресенская ризница довольно богата. Кромѣ драгоценныхъ ризъ и одеждъ Патріаршихъ, достойны примѣчанія въ оной: 1. Мощи Св. Мученицы Татианы, съ правой руки ладонь съ четырьмя перстами безъ указательнаго, подаренныя Царевною Татианою Михайловною въ 1691 мѣ году, въ серебряномъ позолоченномъ ковчегѣ, который Государыня Императрица, ЕКАТЕРИНА Великая, по усердію Своему къ Св. Мученицѣ, повѣла возобновить и украсить, отпустивъ на то довольноую сумму. 2. Богатый, опѣнной живописи Образъ Св. Магдалины, присланный вдовствующею ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ, МАРІЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ, съ Рескриптомъ о построении олтаря на имя сей Святой Равноапостольной дѣвы. Исполнилось благонамѣренное желаніе благодарительной, кроткой души ЕЯ! — Образъ сей, обложенный разными драгоценными каменьями, оцененъ въ двенадцать тысячъ рубл. 3. Двѣ шапки Патріарха Никона, изъ которыхъ первая, осыпанная жемчугомъ и брилліантами, цѣною въ двадцать семь тысячъ

рубл., а вторая въ восемь тысячъ рубл. Но болѣе всего понравилась мнѣ старая, оборванная большая шляпа Никона, въ которой онѣ при строеніи монастыря ходилъ на работу и самъ собою подавалъ каменщикамъ примѣръ дѣятельности и трудолюбія. Она столько мнѣ понравилась, что я, въ сильномъ жару подѣлавъ ее нѣсколько разъ, возкликнулъ къ удивленію всѣхъ окружающихъ меня: *Не промѣнялъ бы я этой оборванной шляпы на всѣ сокровища ризницы!* — — Почтенны остатки древности! почтенна память Великаго Мужа!

Изъ ризницы прошелъ я въ библіотеку, въ которой видѣлъ довольное число Славенскихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ и другихъ иностранныхъ книгъ. Между прочими рукописями находятся тутъ древнія Евангелія на Славенскомъ языкѣ, писанныя самымъ стариннымъ почеркомъ на пергаментѣ въ то время, когда еще не знали употребленія печати въ Отецествѣ нашемъ. Рѣдкія драгоцѣнности, тѣмъ еще болѣе, что онѣ, какъ и многія другія, находящіяся въ сей библіотекѣ, книги, подписаны собственною рукою Патриарха Никона!

Осмотря библіотеку, пошелъ немедленно въ Библиотечку, находящуюся въ нѣ-

сколькихъ шагахъ отъ Соборной церкви, гдѣ, по причинѣ великаго числа комнатъ и переходовъ, имѣлъ я нужду въ Аріадниной нипкѣ. Тутъ представляются взору вашему четыре церкви, сооруженныя въ 1775 мѣ году стараніемъ Императрицы **ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢВНЫ** II. Примѣрная архитектура! рѣдкая живопись! — Названіе сихъ Внелеемскихъ храмовъ есць слѣдующее: 1. *Покломеніе волхвовъ*; 2. *Избѣженіе отъ Ирода младенцевъ*; 3. *Бѣжаніе во Египетъ*; 4. *Обрѣзаніе Господне*.

На другой день, по утру, вставъ въ четвертомъ часу, пошелъ я съ почтеннымъ З* осматривать окрестности монастырскія. Какія картины! какой воздухъ! — — Съ одной стороны представляются взору двѣнущія поля, за коими видны обширные луга; съ другой кудрявая, березовая роща. Тамъ вдали простирается посадъ Воскресенской, хотя не столько красивой зданіемъ, но пріятной своимъ мѣстоположеніемъ. Тутъ рѣка Истра, называемая Іорданомъ, обтекая излучиною монастырь, представляетъ оной въ видѣ гористаго полуострова. — Долго смотрѣли мы на сіи прекрасные виды, и не могли налюбоваться ими. — Одна мысль, что скоро принуждены бу-

демъ разстаться съ сими прекраснымъ , романическимъ мѣстомъ , была тягостна для сердца ! — Наслаждаясь сею картиною Природы , вдыхая въ себя ароматическій воздухъ , споялъ я неподвижно на одномъ мѣстѣ и, можетъ быть, простоялъ бы цѣлой день въ этомъ положеніи , еслибъ З* не вывелъ меня изъ заблужденія , напомнивъ мнѣ , что время уже возвратиться домой и успокоить плѣхъ , которымъ долгое время наше легко можетъ причинить скуку. — Тогда простился я съ шѣнистою рощею , съ зеленымъ лугомъ — и невольный вздохъ вырвался изъ груди моей !

Возвращаясь домой , не много отдохнули и пошли въ Никонову пустыню , пріосѣняемую высокими березами. Она вся каменная о четырехъ этажахъ ; окружность ея состоитъ изъ 17 сажень , а вышина по конецъ креста въ 7 саж. съ половиною. Двѣ церкви , двѣ трапезы и десять маленькихъ келій съ тремя сѣнями заключаютъ оную. — Въ сей-то пустынѣ Патріархъ Никонъ наслаждался безмятежными минутами своей жизни , и въ мирномъ уединеніи возкрилялъ духомъ къ вѣчности. Тяжелыя вериги составляли весь его уборъ , и голый камень (которой и теперь еще находится въ пу-

стынѣ) служилъ ему вмѣсто постели. — Таковъ былъ образъ жизни сего Великаго Пастыря! —

Изъ пустыни пошли мы вдоль по дорогѣ и черезъ нѣсколько минутъ очутились на томъ возвышенномъ мѣстѣ, которое называется теперь Елеонскою горою, и находится разстояніемъ отъ монастыря на полверсты. На сей-то горѣ Царь АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ бесѣдовалъ съ Патріархомъ Никономъ, и назначили мѣсто для поспройки монастыря; по чему, вмѣсто памятника, сооруженъ на ней каменной крестъ съ приличною тому надписью. — Тутъ сѣвъ мы въ коляску и, кинувъ послѣдній взоръ на монастырь и на пріятныя его окрестности, поскакали въ Столицу.

Мысль о Патріархѣ Никонѣ, какъ о первомъ основателѣ монастыря сего, равно и объ Архіепископѣ Амвросіѣ, (бывшемъ тамошнимъ Архимандритомъ), какъ о ревностномъ обновителѣ онаго, чрезъ всю дорогу занимала мою душу. Имъ-то обонимъ обязанъ я тѣмъ удовольствіемъ, которое чувствовалъ, смотря на ихъ рѣдкія произведенія. — Память ихъ пребудетъ незабвенною въ Лѣтописяхъ міра и никогда не изгладится изъ благодарнаго моего сердца.

К.